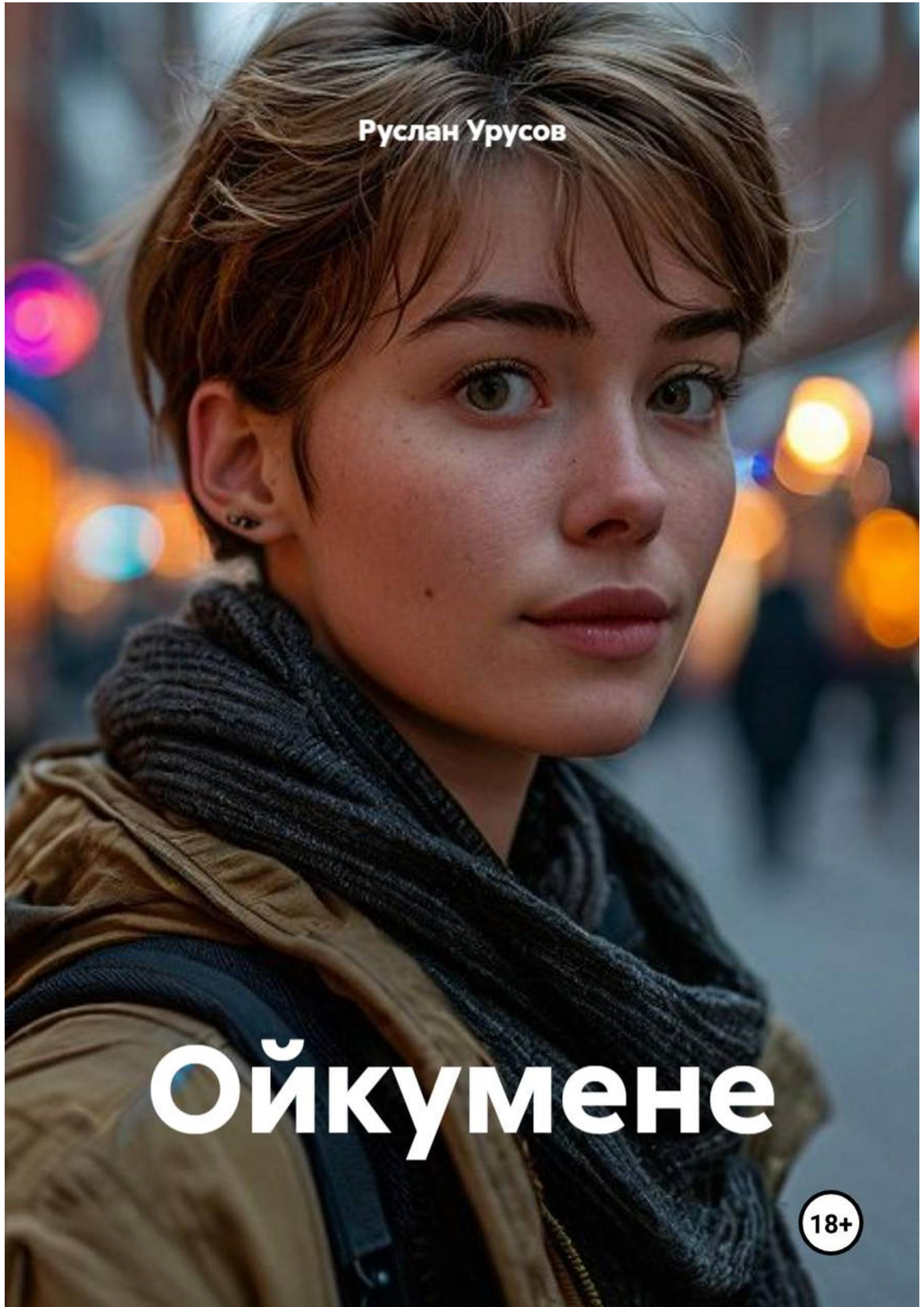

A close-up portrait of a young woman with short, wavy brown hair and light-colored eyes. She is looking slightly off-camera with a contemplative expression. She is wearing a dark, textured knit scarf and a tan jacket. The background is a blurred city street at night, with warm, out-of-focus lights from buildings and street lamps creating a bokeh effect.

Руслан Урусов

Ойкумене

18+

Руслан Урусов

Ойкумене

«Автор»

2026

Урусов Р.

Ойкумене / Р. Урусов — «Автор», 2026

Город Вестхавен, Нидерланды, 2042 год. Анна — куратор человеческих инсайтов. Её работа - объяснять алгоритмам то, что они не могут понять: иррациональность, стыд, ностальгию, любовь. В мире, где персональный ИИ-ассистент Хаб знает о тебе всё, а универсальный базовый доход освободил от необходимости работать, Анна пытается найти баланс между удобством технологий и живым человеческим теплом. Но чем умнее становятся машины, тем острее вопрос: что остаётся человеку? И как не потерять себя в мире, где эмоции можно «вызвать» одним нажатием? Это не антиутопия и не утопия. Это история о поиске себя в эпоху, когда всё можно оптимизировать - кроме души.

© Урусов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примечание	5
Пролог: Будильник без звонка	6
Часть 1. Аналоговое детство и цифровое взросление	8
Глава 1. Деревянный мишка	8
Глава 2. Первый смартфон	10
Глава 3. Университет: этика против нейросетей	12
Глава 4. Вторая пандемия и ускорение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Руслан Урусов

Ойкумене

Примечание

Эта книга написана в 2026 году. Все персонажи, события, организации и локации являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, компаниями или событиями случайно. Автор не претендует на предсказание будущего, но надеется, что вопросы, поднятые в этой книге, останутся актуальными, даже когда технологии уйдут далеко вперёд.

Пролог: Будильник без звонка

Город Вестхавен, Нидерланды, 2042 год. Анна, 32 года, её отец - русский, мать - голландка.

Сейчас 7:15. Я ещё не открыла глаза, но уже знаю, что пора, - браслет мягко завибрировал, подстраиваясь под мою фазу сна. Хаб открыл шторы на половину, впустил свет - не слепящий, а утренний, молочный. Хаб - мой персональный ассистент. Умная колонка в гостиной и приложение на телефоне в одном лице. Он управляет домом, заказывает продукты, напоминает о встречах, следит за моим здоровьем и даже пытается шутить. В общем, делает всё, чтобы моя жизнь была проще. Но иногда его забота бесит.

- Доброе утро, Анна. Твоя сердечная активность выше обычного на 8%. Я проверил: вчера ты выпила три чашки кофе вместо двух. Может, сегодня заменишь одну на травяной чай?

Я промычала что-то нечленораздельное. Хаб, конечно, знал, что я не выпалась (я и сама знала), но его тон - доброжелательный, без капли осуждения - действовал на нервы сильнее любого упрёка.

- Отвянь, - сказала я.

- Как скажешь. Кстати, я увидел, что закончилось молоко и заказал, робот-курьер уже привёз, оставил у двери.

Я села на кровати, спустила ноги на пушистый ковёр. Этому ковру лет двадцать - его сшила бабушка из старых джинсов и обрезков шерсти. Хаб несколько раз предлагал заменить его на «умный» подогреваемый вариант с датчиками давления. Я каждый раз отвечала: «Хаб, это ковёр-память. Ты не поймёшь, это про ностальгию.»

Хаб не обижался. У него вообще нет эмоций, хотя последние обновления научили его имитировать лёгкую иронию. Я включила эту функцию сама - для развлечения.

- Хаб, выключи иронию до обеда. Сегодня важная встреча, не хочу привыкать к твоим подколкам.

- Выключил, - ответил он уже ровным, нейтральным тоном. - Напомнить, что тебе нужно забрать заказ из аналоговой пекарни до 19 часов: ржаной хлеб на закваске с тмином?

- Напомни. И... спасибо.

«Спасибо» я добавила нарочно. Потому что если не говорить роботу спасибо, то начинаешь забывать говорить это людям. Катлейн, моя подруга, считает, что это глупость. Но Катлейн работает художницей и не пользуется приложениями с искусственным интеллектом (ИИ), исключения бывают, но об этом позже, что говорить у неё часы механические. Мы как-то посчитали - я трачу на Хаба около ста обращений в день. Он мой секретарь, помощник, синоптик и психолог в одном флаконе. Но не мой друг.

Я встала, прошла к входной двери, забрала пакет с молоком. На кухне кофеварка уже дымилась - Хаб подстроил время под мой подъём. Я налила кофе, сделала глоток и посмотрела в окно. Вестхавен просыпался. По бульвару ехали бесшумные шаттлы, дорожки были полны бегунов с наушниками-костями - те передают звук через вибрацию в скуловую кость, оставляя уши открытыми для звуков улицы. Никто не говорил друг с другом. Все говорили со своими Хабами.

Я включила новости на стене - так называлась проекционная панель в гостиной, которая занимала почти целую стену. Она могла отображать что угодно: от календаря до фильмов, и включалась по голосовой команде. ИИ-диктор (его звали Виктор - вымышленное имя, настоящий актёр давно умер) сообщал, что уровень доверия к персональным ассистентам вырос на 2%. Новая модель Хаба научилась предсказывать мигрени за час до приступа. Зелёная зона запустила спутник слежения за школьниками. Красная зона снова отказалась от гуманитарной помощи - на этот раз из-за условий по установке умных счётчиков воды.

- Хаб, убери новости. Слишком много политики для утра.
 - Убрал. Хочешь, включу подкаст о выпечке?
 - Включи. И закажи, пожалуйста, продукты по моему списку для выпечки хлеба. Доставку оформи на субботу, планирую испечь в воскресенье.
 - Хорошо. Доставка продуктов в субботу с 18 до 19.
- Сделала ещё глоток кофе и выдохнула. Утро начиналось как обычно.

Часть 1. Аналоговое детство и цифровое взросление

Глава 1. Деревянный мишка

Вестхавен, провинция Гронинген, лето 2017 года

Мне было семь, и я ещё не знала, что такое «цифровой след». Моим миром была бабушкина деревня в двух часах езды от города: деревянный дом, пахнущий мятой и старыми половицами, колодец с ледяной водой и кусты малины, которые царапали локти, когда я пыталась сорвать самую крупную ягоду.

Бабушка Ида (по маминой линии) не пользовалась банковской картой («только наличные, милая, так видишь реальные деньги»), у неё не было интернета («пустое, одни склоки»), а телевизор она почти не смотрела. По ночам мы слушали радио «Шторм» - она называла его «голос свободы» и крутила ручку настройки, вылавливая музыку из прошлого века.

Она была для меня главным человеком. Мама работала допоздна, папа - в командировках, и всё лето я проводила у бабушки. Её слово было законом, но она никогда не давила. Она объясняла так, что я запоминала навсегда. Если бабушка что-то говорила - я верила, потому что знала: она никогда не обманывала и никогда не говорила просто так. Её голос был моим компасом в мире, где я ещё не умела ориентироваться.

В то лето я впервые увидела робота. Не человека, а пылесос - круглую таблетку, которая сама ездила по полу. Сосед дед Эдгар, бывший инженер, получил его в подарок от внука из Германии. Я спряталась за бабушкину юбку, когда эта воющая штука направилась в мою сторону. «Не бойся, он тупой как пробка», - сказал Эдгар. «И бездушный», - добавила бабушка и, взяв меня за руку, увела в сад.

- Не верь тому, у кого нет души, - прошептала она, срывая смородину.

- А у машин есть душа? - спросила я.

«Машина» в моём детском сознании была чем-то, что движется само по себе, без человека. Я видела машины на дорогах, а теперь увидела робота-пылесоса, и это слово само вырвалось.

- Только у тех, кто их создаёт. И то не у всех.

- Как это? - я нахмурилась, пытаюсь понять. - Если я сделаю игрушку из пластилина, у неё будет душа?

Бабушка остановилась, вытерла руки о фартук, присела передо мной на корточки, взяла моего деревянного мишку и сказала:

- Смотри, этот мишка сделан руками твоего прадеда, который вырезал его с теплом, с заботой и вложил в эту частицу себя, своей души. А фабричная игрушка, которая создана машиной, души не имеет. Так же и с машинами: если человек вкладывает в их создание свою душу, они могут нести тепло, но сами по себе они остаются бездушными механизмами.

Я смотрела на неё, стараясь запомнить каждое слово. Мысль о том, что машина может быть «одушевлена» чужим трудом, зацепилась во мне.

- А если я буду любить машину, у неё появится душа?

Бабушка улыбнулась - той улыбкой, которая появлялась, когда я задавала недетский вопрос.

- Нет, моя хорошая. У неё появится душа для тебя. Но у самой машины души не будет. Она будет просто напоминать тебе о том, что ты умеешь любить. И этого достаточно.

Этот разговор с бабушкой в саду остался со мной навсегда. Он звучал в голове каждый раз, когда я сталкивалась с новой технологией. И позже, когда я работала над приложениями, я постоянно возвращалась к бабушкиным словам: «Душа - это то, что чувствуешь. Машина это

чувствовать не умеет». Бабушка не дожила до того дня, когда я впервые включила Хаба. Но каждый раз, когда он выдавал идеально вежливый ответ, я слышала её голос, который защищал меня от желания поверить, что Хаб - живой.

Кстати, деревянный мишка остался со мной, он стоит на моей полке в Вестхавене, рядом с последней бумажной книгой. Он шершавый, с неровно раскрашенными глазами - один синий, другой зелёный. Мишка не умет говорить, не включается по команде и уж, конечно, никогда не дает правильных ответов. Но помню, когда я падала с велосипеда и плакала, я прижимала его к щеке, и дерево казалось тёплым, равно таким же, как и сейчас. Хаб иногда спрашивает: «Не хочешь его оцифровать? Сделаем 3D-модель, она не выцветет». А я отвечаю: «Он и так не выцветает. А когда выцветет - значит, я его слишком часто обнимала. Это и есть жизнь». Хаб не понимает. Но каждый раз, когда он предлагает оцифровать мишку, я чувствую себя старой, как дуб во дворе бабушки. Дуб, который до сих пор стоит, хотя никого из старых соседей уже нет.

Глава 2. Первый смартфон

Вестхавен, 2023 год

Мне исполнилось тринадцать, и родители подарили смартфон, популярной модели, стильный с хорошей камерой. Я была счастлива ровно три дня - пока не зарегистрировалась в соцсетях.

Первые посты: «Привет, мир», селфи с котом, фотка завтрака. Десять лайков, два комментария от одноклассниц. Потом я увидела аккаунт старшеклассниц - отредактированные лица, идеальные закаты, путешествия, которых у меня не было. И ко мне пришло чувство, которое позже назовут «цифровой тревогой». Это когда каждые пять минут тянешься к телефону, чтобы проверить, не появилось ли новое уведомление. Когда безликая лайк-иконка кажется мерилом собственной ценности. Когда перестаёшь замечать, что происходит вокруг, потому что всё внимание приковано к экрану. Я тогда ещё не знала точных слов, но ощущала: что-то не так.

Я начала выкладывать только удачные фото. Удаляла те, где двойной подбородок или мешки под глазами. Смотрела на счётчик лайков как на термометр души. Мама заметила:

- Ты стала реже улыбаться.
- Улыбаюсь, просто не при телефоне.

В пятнадцать я удалила все свои аккаунты в соцсетях. Одноклассники не понимали: «Ты че, аналоговая?». А я просто поняла, что каждый лайк крадёт кусочек моего настоящего дня. За две недели без соцсетей я прочитала три книги, научилась печь печенье и впервые за долгое время не проверяла телефон после душа.

Отец заметил, что я стала спокойнее. Однажды вечером он зашёл в мою комнату, сел на край кровати и спросил:

- Что ты чувствуешь?
- Свободу, - ответила я.
- Свободу от чего?
- От того, что все видят меня, но никто не знает.

Он кивнул, помолчал, а потом сказал:

- Ты приняла правильное решение. Но я хочу, чтобы ты кое-что поняла. Мир не станет ждать, пока ты разберёшься в себе. Пока ты будешь прятаться от соцсетей, другие будут строить карьеру, знакомиться, находить работу. Ты можешь не любить цифровой мир, но он уже существует. Тебе придётся в нём жить. И если ты отгородишься от него полностью - ты окажешься на обочине. Не потому, что ты плохая. А потому, что мир не подстраивается под нас.

Я хотела возразить, сказать, что я не прячусь, а выбираю. Но он смотрел на меня без осуждения - как на взрослую.

- Я не говорю, что ты должна вернуться в соцсети, - продолжил он. - Я говорю: научись быть в мире, но не быть им. Ты можешь не пользоваться фильтрами, но знать, как они устроены. Можешь не публиковать фото, но понимать, что другие - будут. Свобода не в том, чтобы убежать. Свобода - в том, чтобы уметь выбирать, когда включаться, а когда отключаться. Это трудная вещь, и она требует времени.

Он встал, потрепал меня по плечу и вышел.

Я осталась сидеть на кровати, глядя на телефон, который лежал на столе без дела. Его слова застряли во мне. Тогда я ещё не до конца поняла их смысл. Но они ждали своего часа.

Он был прав. Вскоре одноклассники всю пользовались фильтрами для селфи - убрали прыщики, увеличивали глаза, делали кожу идеальной. А я смотрела в зеркало на свои веснушки и думала: «Им хотя бы не нужен Интернет, чтобы быть настоящими».

Сейчас, в 2042-м, цифровая тревога стала ещё острее. ИИ-алгоритмы научились идеально подбирать контент, который держит тебя на крючке бесконечно долго. Люди часами листают ленты, забывая поесть или поговорить с близкими. У многих появился страх пропустить что-то важное, если они отключатся хотя бы на час. Психологи бьют тревогу: зависимость от бесконечных уведомлений и персонализированных лент сравнима с наркотической. И чем лучше ИИ предсказывает твои желания, тем труднее вырваться из этого круга. Я иногда вспоминаю тот свой школьный порыв удалить всё и улыбаюсь: тогда это казалось бунтом, а теперь - единственным разумным решением.

Глава 3. Университет: этика против нейросетей

Вестхавен, 2028–2032 годы

Я поступила на факультет «Когнитивная психология и цифровая антропология» в Университете Гронингена - новый, экспериментальный. Тогда мало кто понимал, зачем он нужен. «Будешь учить роботов быть вежливыми?» - смеялся друг детства. «Буду учить людей не забывать, как быть людьми», - отвечала я.

На первом курсе мы обсуждали, может ли ИИ обладать чувствами. Профессор Хельга - женщина лет пятидесяти с короткой, почти мальчишеской стрижкой, вечно помятым льняным пиджаком и глубокими морщинами вокруг рта, которые появлялись не от улыбок, а от привычки поджимать губы. Её голос был низким, с хрипотцой, и она никогда не использовала презентации - только мел и доску. Студенты боялись её вопросов, потому что она умела одним взглядом отделить тех, кто читал, от тех, кто слушал пересказ нейросети. «Пока машины не научатся скучать, ни о какой душе речи не идёт, - сказала она на первой лекции. - А они не научатся - потому что скука требует времени, которое нельзя оптимизировать».

В те годы в новостях всё чаще мелькали сообщения о «предиктивной полиции». В больших городах синей зоны ИИ учился предсказывать места и время преступлений на основе данных о погоде, социалке, перемещениях. Говорили, что количество уличных грабежей снизилось на 40%, но при этом появились случаи ложных обвинений - алгоритм маркировал человека как «потенциального преступника», и полицейские дроны начинали слежку. Я писала курсовую на эту тему: «Этика предсказательного ИИ: свобода против безопасности». Профессор Хельга похвалила за смелость, но сказала, что технология всё равно победит, потому что люди хотят спать спокойно. «А платить за это придётся тем, кто попадёт в статистическую погрешность», - добавила она. Тогда я ещё не знала, что через десять лет буду сама разбирать такие кейсы.

Моим дипломом было исследование «Эмпатия в цифровую эпоху». Я записала двадцать добровольцев, которые месяц не пользовались смартфонами. Результат: у них улучшилась память на лица, они чаще смотрели в глаза собеседнику, но при этом испытывали тревогу без «якоря в кармане». Одна девушка, Алина, продержалась всего два дня: «Я чувствовала, что пропускаю что-то важное. А потом поняла, что важное - это моя жизнь, а я просто привыкла смотреть на чужую».

Профессор Хельга поставила мне «отлично» и сказала: «Вы станете либо великим психологом, либо горькой футурологичкой. И то и другое неплохо».

После третьего курса я пошла на стажировку в «Нейротренд», тогдашнего гиганта по анализу данных. Моя задача была учить алгоритмы распознавать сарказм в текстах. Я кормила нейросеть тысячами комментариев, помечая, где ирония, а где обида. Через месяц бот начал ловить сарказм в 86% случаев. Меня поздравили и предложили остаться работать как полноценный сотрудник.

Параллельно я видела, как компания развивала другого бота - ассистента для повседневного общения. Его учили вести диалог, поддерживать разговор, подбирать слова под настроение собеседника. Мои коллеги с гордостью показывали графики удержания пользователей: чем убедительнее бот имитировал заботу и внимание, тем меньше люди хотели общаться с живыми людьми. Зачем звонить другу, рисковать быть непонятым, если можно открыть приложение и получить идеально выверенный ответ? «Мне жаль, что ты чувствуешь себя так», - говорил бот, и это звучало даже лучше, чем от настоящего человека. Потому что человек мог ошибиться, не понять, устать. А бот - никогда. Он был бездонным источником эмпатии, которая ничего не стоила. И я поняла, что мы не просто учим машину притворяться живой - мы учим людей довольствоваться подделкой.

Проработав два года, я уволилась.

- Ты слишком серьёзно к этому относишься, - сказал мой коллега Алекс, тогда просто друг. - Это инструмент, как молоток.

- Молоток не пишет тебе «ты мне нравишься» после удара, - огрызнулась я.

Алекс засмеялся, и в том смехе я впервые заметила нечто большее, чем просто приятельство.

Через год мы начали встречаться.

Глава 4. Вторая пандемия и ускорение

Вестхавен, 2033–2035 годы

Весна 2033, первая волна новой пандемии. На этот раз вирус был не таким смертоносным, как COVID-19, но он принёс нечто иное - массовые психологические расстройства. Тревога, депрессия, синдром хронической усталости передавались как социальный вирус: изоляция, страх, бесконечные новости разрушали психику быстрее, чем сам вирус. Вестхавен снова закрылся на карантин. Люди сидели по домам, боясь выходить лишний раз. Улицы опустели, только изредка проезжали машины доставки. В новостях - сводки о заболевших и суицидах, а ещё - о росте числа обращений к психологам.

Карантинные меры продлились недолго - около трёх-четырёх месяцев, но психологические травмы, вызванные изоляцией и страхом, затянулись на годы. Люди продолжали бояться друг друга, даже когда ограничения сняли.

Все перешли на удалёнку. ИИ-сервисы взлетели - доставка, диагностика, учёба и прочие. Именно тогда люди основательно разрешили технологиям войти в их дома, на их кухни, в их разговоры. За неимением живого общения чат-боты казались спасением. Тревога и скука стали двигателями цифровизации.

Моя компания (к тому времени я уже работала в «Ойкумене») создала чат-бот для психологической поддержки. Бесплатно. Его называли Soul, потом SoulMate.

Он был бесплатным, потому что правительство субсидировало такие сервисы во время кризиса, а компания надеялась на репутационные дивиденды и сбор данных для дальнейшего обучения.

Я отвечала за «эмпатический слой» - чтобы бот не был слишком роботизированным. Учила его говорить «мне жаль» и «я понимаю, как это трудно». Мы записывали десятки разговоров с профессиональными психологами, загружали в модель. Через месяц бот начал имитировать сочувствие настолько хорошо, что некоторые пользователи писали в поддержку: «Скажите создателю, я влюбилась в этого бота».

Мне было не по себе. Но начальство ликовало - метрики удержания выросли на 300%.

После окончания активной фазы карантина я случайно встретила Алекса на прогулке в парке. Мы не виделись около года - после моего увольнения из «Нейротренд» наши пути разошлись. Он тоже пережил изоляцию, и мы оба были рады увидеть знакомое лицо в живую. Мы разговорились, а через месяц он переехал ко мне - изоляция научила нас ценить близость, не откладывая на потом.

Он к тому времени работал в стартапе по управлению умными домами - они разрабатывали систему, которая позже ляжет в основу Хаба. Мы гуляли по полупустому Вестхавену, где ещё оставались места без камер слежения. Он рассказывал о будущем: «Через пару лет каждый дом будет думать вместе с тобой. Холодильник сам закажет еду, ассистент сам запишет к врачу. Ты сможешь заниматься чем хочешь - творчеством, любовью, просто жить».

- А станет ли он сам думать за меня? - спросила я. - Что мне надеть? Кого любить?

- Ты слишком драматизируешь, - улыбнулся Алекс. - Это всего лишь алгоритм.

Мы поцеловались. Это были тёплые, странные времена: мир замирал физически, но не виртуально, а технологии ускорялись. Я чувствовала, что стою на рельсах, по которым мчится поезд, и могу либо запрыгнуть, либо отпрыгнуть. Я запрыгнула, но оставила себе маленький парашют.

Вторая пандемия постепенно отступала, но привычка к цифровым костылям осталась. Рост пользования ботами продолжался, люди советовались с ботами о здоровье и настроении или просто общались. Именно тогда будущий мир Хаба начал прорастать сквозь асфальт старой нормальности.

Успех SoulMate подтолкнул руководство «Ойкумене» к созданию единого ассистента. К 2035 году они запустили Хаба - не просто чат-бота, а полноценного помощника, который объединил управление домом, здоровьем, расписанием и общением. Хаб вобрал в себя лучшие наработки SoulMate, добавил голосовое управление и интеграцию с умными устройствами. Так мир получил того самого ассистента, с которым мы живём сегодня.

С 2035 года начнётся период увольнений из-за автоматизации на базе ИИ. Логистические компании, банки, бизнес в целом откажется от белых воротничков - десятки тысяч человек потеряют работу. Мой сосед Эрик, аналитик с двадцатилетним стажем, потерял работу после того, как его отдел заменили тремя ИИ агентами. Он получил выходное пособие, потом встал на биржу труда. Это было страшно смотреть: взрослый мужчина, который не знал, чем заняться с утра, кроме как смотреть телевизор.

Волна увольнений вызвала протесты. Люди выходили на улицы с плакатами «Нас заменили кодом», «Работа - не роскошь». В некоторых городах прошли забастовки и блокировки дата-центров. Правительство оказалось перед выбором: либо подавлять протесты силой, либо искать системное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.